

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л92

Camilla Läckberg
ISPRINSESSAN

© Camilla Läckberg, 2002 . Published by arrangement with Nordin
Agency & OKNO Literary Agency, Sweden

Дизайн полусупера:
Scandinavian Design Group, Oslo – Norway

Лэкберг, Камилла.

Л92   Ледяная принцесса / Камилла Лэкберг ; [перевод
с шведского О. Б. Боченковой]. — Москва : Эксмо,
2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-109767-7

Ее называют «шведской Агатой Кристи». Камилла Лэкберг — ведущий автор среди прославленных мастеров скандинавского детектива. Первый же ее роман стал мировым бестселлером — как, впрочем, и каждый последующий. Лэкберг входит в десятку самых популярных писателей Европы. Ее книги переведены более чем на 30 языков и проданы тиражом более 20 млн экземпляров.

Фельбака благонравна и благополучна — настоящий райский уголок. По крайней мере, таким привыкла считать свой родной город писательница Эрика Фальк. Именно поэтому ее до глубины души потрясло известие о загадочной гибели подруги детства. Красавица Александра, лежа с рассеченными запястьями в ванне, истекла кровью, а потом зимняя стужа превратила ее тело в лед. Но не все верят, что это самоубийство...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109767-7

1

Дом был пуст. От стен тянуло холодом. Ванну покрывал тонкий слой изморози. Кожа женщины уже начинала принимать голубой оттенок.

«Принцесса, — вот первое, что пришло в голову, когда он ее увидел. — Ледяная принцесса».

Пол был тоже словно ледяной, но он не чувствовал холода. Протянул руку, потрогал.

Кровь в ее жилах давно замерзла.

Никогда еще любовь к ней не была такой сильной. Он ласкал ее руку, словно это была душа, покинувшая тело.

Потом он вышел, не обернувшись. Он не прощался.

* * *

Эйлерт Берг не считал себя счастливым человеком. Страдал одышкой. Воздух тяжело выталкивался изо рта маленькими белыми облачками, но не здоровье было его главной проблемой.

Как не терпелось ему в первый раз лечь с ней в супружескую постель!.. Поначалу Свеа казалась такой нежной, доброй и стеснительной... Настоящая ее природа проявилась не сразу, вскоре после того, как утихли первые порывы юношеской страсти. Тогда-то он и попал к ней под каблук, где томился почти пятьдесят лет. Только потом и у него появилась своя тайна, слабый просвет, обещавший хоть немного свободы на склоне лет. Эйлерт не мог упустить такой возможности.

Всю жизнь он надрывался на рыбной ловле, а заработка едва хватало на содержание детей и Свели. После им обоим и вовсе пришлось довольствоваться нищенской пенсией. Нечего и думать изменить что-то в жизни без лишнего гроша в кармане, поэтому подвернувшийся шанс стал для Эйлера подарком судьбы. И это были до смешного легкие деньги; но при чем здесь Эйлер, если кто-то готов платить за просто так?

Он и не думал этим смущаться. Стопка купюр в тайнике за компостерным ящиком быстро росла. Уже через год накопилась сумма, вполне достаточная для того, чтобы уехать на отдых в теплые страны.

Перед последним крутым подъемом Эйлер остановился перевести дыхание и помассировал оковеневшие руки. Самое время теперь отогреться где-нибудь в Греции или Испании. По его подсчетам, жизни в нем оставалось лет на десять, не больше. Было бы обидно провести их дома, в обществе старухи.

До сих пор, если он когда и отдыхал от нее, то во время этой ежедневной утренней прогулки. Пара часов покоя и одиночества, заодно прекрасный моцион. Маршрут повторялся изо дня в день, и те, кто знал об этой его привычке, выходили на улицу поглазеть и перекинуться словечком. Эйлеру особенно нравилось встречаться с красивой девушкой из дома, что стоял высоко на холме, рядом с хоккебенской школой.

Она бывала здесь только на выходные, встречала его одна и всегда находила время поболтать о погоде. Фрэнкен Александра интересовалась и прошлым Фельбаки — темой, которую Эйлер всегда был рад поддержать. Наконец, ему доставляло радость просто смотреть на нее. Эйлер не мог не признаться себе в этом, несмотря на возраст. Конечно, и о ней болтали разное. Но если обращать внимание на пересуды местных кумушек, ни на что другое просто не останется времени.

С год тому назад она спросила, не затруднит ли его присматривать за домом раз в неделю, по пятницам. Все равно ведь прогуливается здесь каждое утро. Котел старый, да и водопроводные трубы ненадежны, а ей не очень-то приятно приезжать на выходные в нетопленое помещение. Он получит ключи, сказала фрёкен Александра, и будет проверять, всё ли в порядке. В поселке случаются кражи, поэтому Эйлерт должен обращать особое внимание на сохранность замка и окон.

Поручение не показалось ему особенно сложным. Раз в месяц он находил в почтовом ящике конверт с королевским, по меркам бедного пенсионера, вознаграждением. Помимо прочего, Эйлерту просто нравилось быть кому-то полезным. Тому, кто привык трудиться не покладая рук, трудно с утра до вечера шляться без дела.

Он с усилием открыл покосившуюся калитку. Во дворе громоздились сугробы, и Эйлерту подумалось, что неплохо бы отрядить кого-нибудь из мальчишек помочь фрёкен Александре с расчисткой двора. Это работа не для слабой женщины. Доставая ключи, он следил за тем, чтобы не уронить их в снег, опасаясь, что тогда ему придется встать на колени, и он больше не сумеет подняться. Наружная лестница обледенела, поэтому приходилось крепко держаться за перила, чтобы не поскользнуться.

Эйлерт собирался было сунуть ключ в замочную скважину, когда вдруг обнаружил, что дверь не заперта. Удивленный, он толкнул ее и вошел в прихожую.

— Эй, кто-нибудь дома?

Может, хозяйка на этот раз вернулась раньше обычного? Ответа не было. Глядя на поднимавшийся изо рта белый пар, Эйлерт осознал вдруг, какой холод стоит в доме. И вряд ли дело в изношенных батареях. Он сразу почувствовал — что-то произошло.

Эйлерт прошелся по комнатам — как будто всё на месте. Видеомагнитофон и телевизор стоят там, где обычно. Он осмотрел первый этаж и поднялся на второй. Лестница довольно крутая, поэтому Эйлерт крепко держался за перильные столбики. Наверху начал со спальни, по-женски обставленной, но опрятной и скромной, как и всё в доме.

Кровать была убрана. В ее ногах стояла дорожная сумка, похоже, нераспакованная. Эйлерт почувствовал себя дураком. Все говорило о том, что на этот раз фрёкен Александра и в самом деле вернулась раньше обычного, увидела, что батарея неисправна, и пошла искать помощи. Но что-то мешало ему принять это вполне естественное объяснение. Что-то здесь не стыковалось. В теле появились ощущения, как перед надвигающимся штормом.

Эйлерт осторожно продолжил обход. Следующей была маленькая мансардная комнатка с косым потолком, поддерживаемым деревянными балками. По сторонам камина стояли два кресла. И здесь все было в порядке, за исключением разве разбросанных на ночном столике газет. Эйлерт снова спустился на первый этаж. Ни в гостиной, ни на кухне он не обнаружил ничего подозрительного. Оставалась ванная, и Эйлерт почему-то медлил в нее заглядывать. В доме по-прежнему было тихо. Он постоял на пороге, посмеялся над собственными страхами и решительно толкнул дверь.

Секунду спустя Эйлерт бежал к выходу со всех стариковских ног. Вспомнив в последний момент, что ступеньки скользкие, ухватился за перила, чем уберег себя от падения по лестнице вниз головой. Тяжело дыша, зашагал по снегу через сад и выругался, когда калитку снова заело. На тротуаре остановился в полной растерянности. Снизу в темпе утренней прогулки приближалась фигура, в которой он узнал Эрику, дочь Туре. Эйлерт закричал.

Эрика Фальк устала. Страшно устала. Она выключила компьютер и вышла на кухню приготовить кофе. На нее давили со всех сторон. Издательство хотело уже в августе иметь черновой набросок, а она только-только села за работу. Биография Сельмы Лагерлёф — вот уже пятая по счету книга Эрики о шведских писательницах. И она имела все шансы стать лучшей, не чувствуя Эрика такого опустошения.

Вот уже месяц прошел со дня смерти родителей, а боль несколько не притупилась. Разобраться с их вещами тоже быстро не получилось. Каждая мелочь в доме пробуждала бурю воспоминаний. В результате ящики паковались по многу часов, и это сопровождалось погружением в прошлую жизнь, такую близкую и в то же время недосягаемо далекую. В конце концов все было кончено, и квартира в Стокгольме передана другим арендаторам. Эрика предпочла ей родительский дом во Фьельбаке, где она могла бы спокойно работать. Он стоял на отшибе, в Сэльвике, в самом тихом месте.

Эрика устроилась на веранде. Отсюда открывался вид на шхеры, от которого у нее всегда замирало дыхание. Декорации менялись в зависимости от времени года. Сегодня, к примеру, солнце изливалось ослепительными каскадами на лед, толстым слоем покрывавший воду. Отец любил такие дни.

Горло сдавило, и воздух в комнате вдруг показался спертым. Эрика решила прогуляться. Термометр показывал минус пятнадцать, поэтому она напялила на себя все, что попало на глаза. И все-таки замерзла, едва переступив порог, хотя и быстро разогрелась на ходу.

Было тихо, на улице ни души. Эрика слышала только собственное дыхание. Совсем не то что в летние месяцы, когда в поселке кипела жизнь. Эрика понимала, что туристический бизнес — основа благосостояния местных жи-

телей, и все-таки не могла избавиться от ощущения, что в сезон отпусков Фьельбака словно подвергается налетам саранчи. Дома на побережье постепенно скупали. Словно многоголовый монстр незаметно, год за годом, проглатывал старый рыбацкий поселок, погружая его в призрачное состояние на оставшиеся от туристического сезона девять месяцев.

Испокон веков Фьельбака кормилась рыбной ловлей. Скучная северная природа и вечная борьба за выживание закалили народ. Тогда все зависело от того, сколько сельди заплывет в прибрежные воды. Это потом уж разглядели живописность Фьельбаки. И тогда сюда устремились толпы туристов с набитыми кошельками, а рыбная ловля утратила значение основного источника доходов. И с этого, как казалось Эрике, началось падение Фьельбаки. Потому что молодые уезжали, а старые больше грезили о прошедших временах. Сама Эрика оказалась в числе тех, кто оставил эти места.

Она прибавила шаг и свернула налево, где улица поднималась по склону холма к хоккебакенской школе. И уже приближалась к вершине, когда услышала голос Эйлерта Берга. Что он кричал, размахивая руками, она разобрать не могла. Эйлерт приблизился.

— Она мертва.

Он дышал тяжело, резкими толчками. В груди как будто что-то пицало, и от этого звука ей стало жутко.

— Успокойся, Эйлерт, что произошло?

— Она лежит там... мертвая.

Эйлерт махнул рукой в сторону большого деревянного дома голубого цвета и выжидающе посмотрел на Эрику. Та поняла не сразу, но, лишь только осознала сказанное, толкнула капризную калитку и зашагала к входной двери, которую Эйлерт оставил открытой.

Эрика осторожно переступила порог. Она все еще не представляла себе, что ожидает ее в доме, но почему-то не

решалась расспрашивать. Эйлерт, бледный как мел, сле-
дую за ней, кивнул в сторону ванной на первом этаже.

— Т...там...

Эрика давно не бывала в этом доме, но где ванная,
вспомнила сразу.

Она почувствовала, что мерзнет, несмотря на те-
плую одежду. Дверь мягко открылась вовнутрь, и Эрика
вошла.

Она и сама толком не знала, что ожидала здесь уви-
деть после того, что сказал Эйлерт. Но в любом случае
оказалась не готова к открывшемуся ее глазам зрелищу.
Ванная была выложена белым кафелем, на фоне которо-
го кровавые пятна смотрелись особенно эффектно. На
какую-то долю секунды Эрика даже залюбовалась, пока
вдруг не осознала, что там, во льду, самая настоящая
мертвая женщина.

Эрика узнала ее, несмотря на неестественную го-
лубизну кожи. В ванной лежала Александра Вийкнер,
урожденная Карлгрен. Это ее родителям принадлежал
этот дом. В детстве Эрика с Александрой были лучши-
ми подругами. Но с тех пор миновала вечность, и теперь
Эрика смотрела на ледяную принцессу почти как на не-
знакомку.

Глаза были прикрыты, но губы уже приобрели ярко-си-
ний цвет. Нижняя половина тела уходила в толщу льда,
верхняя точно была обвернута сверкающей прозрачной
пленкой. Правая рука свисала вдоль ванны, на краю ко-
торой лежала бритва. Пальцы утопали в луже замерзшей
крови. От левой руки виднелось только предплечье, чуть
ниже которого торчали колени. Длинные светлые волосы
Алекс замерзшим веером перевесились через изголовье
ванны.

Эрика так и застыла на месте. От представшей глазам
картины веяло таким одиночеством и холодом, что она
медленно попятилась к двери.

Дальнейшее происходило как во сне. Тут же набрали номер «Скорой», потом дожидались приезда медиков. В такой же ступор Эрика впала, когда узнала о смерти родителей. Вернувшись домой, она первым делом налила себе большую рюмку коньяка. Возможно, это было не совсем то, что прописал бы в такой ситуации доктор, но руки дрожать перестали.

Вид мертвой Алекс воскресил в памяти картины детства. С тех пор прошло больше двадцати пяти лет. Сколько людей встретилось и забылось за это время, но Александра как будто не покидала ее все эти годы. Детьми они были близки, потом их пути разошлись. И все-таки Эрике не верилось, что Алекс могла совершить самоубийство, — что казалось самым естественным объяснением увиденному. Потому что Алекс, с которой они когда-то дружили, была самым жизнелюбивым и здравомыслящим человеком из всех, кого Эрика когда-либо знала в жизни. Красивая, уверенная в себе, она будто излучала нечто такое, что заставляло людей оборачиваться на нее на улице. Кроме того, судя по доходившим до Эрики и более чем правдоподобным слухам, судьба Алекс и в дальнейшем складывалась вполне благополучно. Она руководила галереей современного искусства в Гётеборге и была замужем за успешным и привлекательным мужчиной, с которым жила в роскошном особняке на острове Сэрё. И все-таки в конце концов что-то у нее там не заладилось...

Желая развеять тяжелые мысли, Эрика набрала номер сестры.

— Спишь?

— Ты шутишь? Адриан разбудил меня в три утра, а когда наконец уснул около шести, проснулась Эмма и захотела играть.

— А Лукас не мог тебе помочь, хотя бы в виде исключения?

Нависла гробовая тишина, и Эрика прикусила язык.

— У Лукаса сегодня важная встреча, ему надо было отдохнуть. На работе запарка, кампания перед важнейшим стратегическим выбором.

Голос Анны сорвался, в нем отчетливо слышались нотки истерии. У Лукаса всегда и всему находились объяснения. Очевидно, и сейчас сестра вещала с его слов. Он вечно готовился к важным встречам, или собирался с духом перед принятием ответственного решения, или же просто не находил в себе силы, потому что это ведь не шутки — руководить таким большим и успешным предприятием. Забота о детях — трехлетней малышке и младенце четырех месяцев от роду — целиком и полностью лежала на Анне. Поэтому на похоронах родителей тридцатилетняя сестра и выглядела на все сорок.

— *Honey, don't touch that*¹.

— Тебе не кажется, что с Эммой пора говорить по-шведски?

— Лукас считает, что дома мы должны общаться по-английски. Мы вернемся в Лондон до того, как она пойдет в школу.

Лукас считает, Лукас говорит, Лукас думает — как же Эрика устала от всего этого... В ее глазах зять был порядочной дрянью.

Они познакомились, когда сестра работала няней в Лондоне. Лукас Максвелл, успешный биржевой маклер, был на десять лет старше Анны. Тем не менее она отказалась от прежних амбициозных планов и учебы в университете и посвятила себя тому, чтобы стать образцовой женой и хозяйкой дома.

Проблема, однако, состояла в том, что Лукас никогда не бывал доволен. И Анна, которая с детства всегда делала то, что хотела, быстро поблекла рядом с ним как личность. Пока не было детей, Эрика все надеялась, что

---

¹ Дорогая, не трогай это (*англ.*).

сестра опомнится, оставит Лукаса и начнет наконец жить своим умом. Но когда появилась Эмма, а за ней и Адриан, стало ясно, что от зятя так легко избавиться не удастся.

— Давай сменим тему, — предложила Эрика. — Как поживают мои любимые племянники?

— Как всегда, ты же знаешь... Эмма в приступе ярости изрезала на куски несколько своих платьев, прежде чем я успела ее остановить. А Адриан третий день мучается рвотой и непрерывно кричит.

— Похоже, пора менять обстановку... Что, если тебе приехать ко мне на недельку с детьми? Помимо прочего, ты могла бы кое в чем мне помочь. Пора наконец заняться всеми этими бумагами...

— Именно об этом мы и хотели с тобой поговорить...

Голос Анны задрожал, как бывало всегда, когда она заговаривала о чем-то неприятном. Эрика вздохнула. Это «мы» не предвещало ничего хорошего. Стоило вступить в игру Лукасу, как сестра тут же принимала его сторону. Эрика терпеливо ждала продолжения.

— Мы с Лукасом собирались вернуться в Лондон, как только все уладится с шведским филиалом. И потом, видишь ли... мы не сможем содержать здесь, в Швеции, такой большой дом. Ты ведь тоже не горишь желанием переехать сюда... ну, я имею в виду, одна, без детей, семьи и всего такого...

Нависла напряженная пауза.

— Так что ты хотела мне сказать? — Эрика накрутила волосы на указательный палец — детская привычка, напоминавшая о себе всякий раз, когда она нервничала.

— Ну... Лукас считает, что дом лучше продать. У нас нет возможности содержать его. Кроме того, по возвращении мы купим дом в Кенсингтоне. Конечно, Лукас хорошо зарабатывает, но эти деньги могут много для нас значить. Я имею в виду дом на побережье — это же мил-

лионы и миллионы... Немцы просто с ума сходят от всех этих морских видов, и...

Анна продолжала приводить аргументы, но Эрика решила, что развеялась достаточно, и спокойно завершила разговор.

Для Анны она всегда была больше матерью, чем старшей сестрой, опекая и защищая ее с самого детства. Анна была настоящий ураган и не имела привычки заранее просчитывать последствия своих поступков, поэтому нередко попадала в затруднительные ситуации, из которых ее выручала Эрика. И таких случаев было гораздо больше, чем сама Анна могла бы вспомнить. Но теперь она уже не та, Лукас выбил из нее эту непосредственность, открытость жизни. И это было то, чего Эрика не могла ему простить.

* * *

Ночью Эрику быстро сморил тяжелый сон без сновидений, но наутро казалось, будто она почти не сомкнула глаз. Вчерашние события вспоминались словно в тумане. Тело болело от усталости. В животе урчало, и беглый осмотр холодильника убедил ее в том, что без посещения универмага «Эвас Ливс» ситуацию не исправить.

Поселок словно вымер. На площади Ингрид Бергман не было и намека на то торговое оживление, которое кипело здесь в летние месяцы. Зато превосходная видимость — ни дождя, ни тумана. На горизонте просматривался остроконечный мыс острова Валё, образующий вместе с Кроксгольменом нечто вроде узких ворот, за которыми открывался выход во внешние шхеры.

На Галербакен, уже почти на самом верху, Эрику ждала встреча, которой она предпочла бы избежать. Поэтому, лишь заслышав бесстыдно-радостный писклявый голос Эльны Персон, смутилась и стала искать пути к отступлению.